

© 2011 г.

Александр Евсеенко

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН, г. Новосибирск.

(e-mail: evs@ieie.nsc.ru)

Константин Огрызько

кандидат экономических наук

доцент Российского государственного социального университета

(e-mail: [<k_nekrasov@list.ru>](mailto:k_nekrasov@list.ru), k.nekrasovskiy@gmail.com)

ОБЩЕСТВО БЕЗ НАЛИЧНЫХ ДЕНЕГ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В работе рассматривается современная концепция перехода к «Cashless Society» (обществу без наличных денег) или модели «Digital Cashless Economy» (цифровой безналичной экономике). Ряд авторов доказывают, что этот переход (при полном вытеснении наличных денег) будет означать качественный скачок и создаст возможности для «прорывов» по многим направлениям. При этом особые надежды возлагаются на достижение «прорыва» в области борьбы со всеми основными видами криминала, опирающимися на наличные деньги. Новизна нашего подхода заключается в том, что мы обосновываем возможность реализации модели «Cashless Society» локально в крупных городах, в то время как обычно её рассматривают на уровне всей национальной экономики. Кроме того, «Cashless Society» рассматривается как составная часть более общей концепции перехода от анонимных («псевдонимных») к именованным формам в рамках построения «информационного общества».

Ключевые слова: наличные деньги, электронные деньги, Cashless Society, Digital Cashless Economy, электронный «кэш», анонимные и именные формы денег, информационное общество.

За последние десять лет в России со стороны Министерства внутренних дел предпринято уже две попытки продвижения законопроекта «Об ограничении оборота наличных денежных средств» в Государственной думе. Последняя такая попытка отмечена в октябре 2009 г. По заявлению представителей министерства эта мера необходима в рамках борьбы с коррупцией и уклонением от уплаты налогов (т.е. теневой экономикой).

Россия в последние годы все более отстаёт от индустриально развитых стран по степени вытеснения из оборота наличных денежных средств. Как известно, в последние несколько десятилетий во всех индустриально развитых странах мира неуклонно продвигался процесс вытес-

нения наличных денежных средств и замены их безналичными средствами (безналичные средства, в свою очередь, существуют в разных вариантах, но в данной работе мы будем считать, что их основу составляют деньги на банковских счетах, так называемые «счётные» деньги).

В настоящее время этот процесс вытеснения наличных денег уже зашел так далеко, что на повестку дня встало обсуждение концепции «Cashless Society» (общества без наличных денег) или «Digital Cashless Economy» (цифровой безналичной экономики). Эта концепция сейчас активно обсуждается в научных кругах и различных СМИ в развитых странах. В России же до последнего времени вокруг этой концепции царил почти полная тишина за исключением работ В. Юровицкого¹.

Для измерения уровня «кэшизации» экономики используется показатель $M0/M2$ – доля наличных денег ($M0$) в общей основной денежной массе ($M2$). Этот показатель в США и Европейском союзе находится на уровне ниже 5%. Однако, из этих 5% наличных денег (которые для США составляют, по некоторым оценкам, полтриллиона долларов) только малая часть находится на территории самих США и Европы (т.е. реально на территории США и Европы $M0/M2$ находится в пределах 1%). Подчеркнём, что наличные (бумажные) доллары США и евро фактически становятся деньгами для внешнего использования, то есть перестают играть роль настоящих денег на территории самих США и Европы, а используются в странах третьего мира (где они играют роль настоящих «твердых» денег, как и в России).

Но даже если в США или Европе возникнут достаточные технические возможности для того, чтобы отказаться от «налички» (а по некоторым оценкам эти возможности есть уже сейчас), у них нет стимула это делать. Стимул – прямо противоположный – зарабатывать на поставке «налички» во внешний мир. Так что эту реформу – форсирование вытеснения остатков наличных денег и переход к «Cashless Society» должны начать какие-то другие страны, у которых нет таких антистимулов.

К числу таких стран – лидеров, которые вплотную приближаются к этому порогу, относятся Сингапур (эта страна уже официально декларировала цель – переход к «Cashless Society»), Финляндия, Австралия и др., в этих странах $M0/M2$ уже меньше 1%.

¹ Основным (и по сути, единственным) отечественным автором, который в течение многих лет неуклонно и преданно продвигал эту концепцию, оставался В. Юровицкий. См. главный труд В. Юровицкого в этой области «Денежное обращение в эпоху перемен». Монография. М.: «Гроссмедиа», 2007. См. также В. Юровицкий. Пути построения в России "безналичного общества". Финансовый вестник, № 9, 2009 г., с.79-89, а также многие другие его работы, посвященные этой теме.

В России, согласно официальному отчету Центрального банка РФ, доля наличных денег М0/М2 составляла на 01.01.2010 – 25,7% (по уточненному показателю М0*/М2* – 28,4%, см. таблицу 1); на 01.01.2009 – 28,1%; эта цифра постепенно снижалась за последнее десятилетие с 36% в 2001 году до 31% на начало 2007 года и далее, а на 01.01.1999 года она достигала 42% (см. таблицу 1). Но это только наличные рубли! Прибавьте к этому наличные доллары и евро, которые накопились на территории России десятками миллиардов, и получатся иные цифры. Так, по некоторым оценкам, в середине и конце 90-х годов прошлого века эти цифры «зашкаливали» за 60%!

Таблица 1

Оценка уровня «кэшизации» (М0/М2) в экономике России

Дата	М2 (трлн руб.)	М0 (трлн руб.)	М0/М2 (%)	М0* (трлн руб.)	М0*/М2* (%)
01.01.1997	0,30	0,10	35,2%	0,11	36,2%
01.01.1998	0,37	0,13	34,9%	0,14	36,0%
01.01.1999	0,45	0,19	41,9%	0,20	43,2%
01.01.2000	0,70	0,27	37,8%	0,29	39,7%
01.01.2001	1,14	0,42	36,6%	0,45	38,1%
01.01.2002	1,60	0,58	36,5%	0,62	38,0%
01.01.2003	2,13	0,76	35,8%	0,81	37,2%
01.01.2004	3,21	1,15	35,7%	1,22	37,2%
01.01.2005	4,36	1,53	35,2%	1,67	37,1%
01.01.2006	6,05	2,01	33,2%	2,20	35,2%
01.01.2007	9,00	2,79	31,0%	3,06	33,0%
01.01.2008	13,27	3,70	27,9%	4,12	30,1%
01.01.2009	13,49	3,79	28,1%	4,37	31,1%
01.01.2010	15,70	4,04	25,7%	4,62	28,4%

Здесь М2 – общая денежная масса, М0 – масса наличных денег без учёта остатков в кассах кредитных организаций, М0* – уточнённая масса наличных денег с учётом остатков в кассах кредитных организаций, М2* – денежная масса М2, скорректированная с учётом М0*, т.е. $M2^* = M2 + (M2^* - M0)$.

Данные по М2, М0, М0* взяты из официальных отчетов¹ Центрального Банка РФ за 1997-2010 годы, уточненный показатель М0*/М2* (%) вычислен авторами.

В публикуемых Центральным банком РФ данных в М0 не включаются наличные доллары и евро, а в М2 (национальное определение) не включаются ни безналичные, ни наличные доллары и евро. Для верного

¹ См. годовые отчеты ЦБ РФ за 1997–2010 годы на официальном сайте <<http://www.cbr.ru/publ/>>. См. также А.В.Юров. Наличные деньги и электронные средства платежа: оценка перспектив. //Деньги и кредит, № 7, 2007 г., с.37-42

расчета уровня «кэшизации» экономики нужно знать массу наличной иностранной валюты (в обращении на территории РФ), обозначим её $M0^d$, и массу безналичной иностранной валюты (на банковских счетах физических и юридических лиц), обозначим общую (наличную и безналичную) массу иностранной валюты $M2^d$. Отметим, что соотношение наличной и безналичной массы иностранной валюты, точнее, величина $M0^d/M2^d$ в последние годы непрерывно снижается (при этом точных данных по $M0^d$ и $M2^d$ из отчётов ЦБ РФ получить не удаётся). Очевидно, что величина $M0^d/M2^d$ достигала своего пика в 90-х годах прошлого века.

Можно утверждать, что первым в российскую экономику (в 90-х годах) пришел именно наличный доллар, а затем, на втором этапе – безналичный доллар. Это нужно понимать так, что все физические лица и многие юридические лица в России вначале получили доступ к наличному доллару, а затем, через несколько лет (во второй половине 90-х) – к безналичному (когда банки начали открывать инвалютные счета в массовом порядке). В этот промежуток времени в страну хлынул рекордный поток наличных долларов, и в короткие сроки образовалась наличная денежная масса $M0^d$ объёмом в десятки миллиардов долларов. Спрос на доллары тогда был связан с гиперинфляцией рубля. И сегодня спрос на иностранную валюту подогревается инфляцией рубля, но сегодня этот спрос может быть реализован в безналичной форме. А в те годы был только один вариант – наличных. Теперь понятно, почему в данный промежуток времени величина $M0^d/M2^d$ достигала своего пика (когда почти вся $M2^d$ состояла из $M0^d$). Последствия этого «большого взрыва» иностранной наличности тех лет мы ощущаем вплоть до сегодняшнего дня в виде «гипертрофии рынка наличной иностранной валюты» (по определению Д. Лебедева, см. ниже), хотя все последние 10 лет эта гипертрофия медленно и постепенно сокращается.

(I) Прежде всего, уточним, как мы проводим разграничение между наличными и безналичными деньгами. Обычно на этот вопрос отвечают так: наличные деньги – бумажные или металлические и их можно пощупать, а безналичные – это электронные деньги, которые нельзя пощупать. Однако в этой работе мы будем считать это второстепенным и на первый план предлагаем выдвинуть иное различие: бумажные и металлические наличные деньги являются *анонимными* и безличными (на них не указано, чьи они в данный момент), а безналичные (в форме «счётных» денег, см. выше) являются *именными*, то есть они всегда несут в себе информацию – чьи они в данный момент, а также от кого перечислено, кому перечислено, сколько перечислено, когда перечислено и, очень часто, ком-

ментарий – за что перечислено, т.е. это настоящие деньги информационного общества. Чтобы подчеркнуть необходимость такого разграничения, приведём следующие примеры: с одной стороны, чековые книжки являются классическим примером именных денег, но в бумажной форме, с другой стороны, электронные деньги не обязательно могут быть только именными (подробнее об этом см. ниже).

Из такого разграничения между наличными и безналичными деньгами становится понятным, почему на вытеснение «налички» и переход к «Cashless Society» возлагаются надежды в борьбе с коррупцией и теневой экономикой. Но не только. На «наличку» опираются и другие виды криминала: наркотрафик¹, нелегальная торговля оружием, различные «откаты» (хотя их также можно считать разновидностью коррупции), скупка краденного, нелегальная торговля антиквариатом, похищения людей, заказные убийства, наконец, терроризм. «Организованная преступность всегда была «кэш» индустрией (т.е. индустрией, основанной на наличных деньгах)» – таков лейтмотив статьи Джонатана Липау в Нью-Йорк Таймс². Эта статья посвящена общим вопросам перехода к Цифровой Безналичной Экономике (Digital Cashless Economy) в глобальном масштабе.

Подробности связи «кэша» и терроризма обсуждаются в статье Петера Канкеля в американском научном журнале «Военное обозрение»³. Как отмечается в этой статье, в наши дни организованные террористические сети вышли в число основных пользователей «кэша». Никто (никакая другая организация) не сознаёт это лучше, чем военное ведомство США. В течение первых лет проведения военных операций международных коалиционных сил в Афганистане и Ираке американские военные

¹ Los Angeles Times, March 17, 2007. Hector Tobar, Carlos Martinez «Mexico meth raid yields \$205 million in U.S. cash»

(<http://www.latimes.com/la-fg-meth17mar17,0,709967.story>). Согласно этой статье рейды по следам наркодельцов в Мексике часто обнаруживают десятки миллионов долларов в виде наличных денег. находка одного из рейдов составила свыше 200 миллионов наличных долларов, среди которых основную массу составляли 100-долларовые купюры.

² Jonathan Lipow «Turn In Your Bin Ladens». NY Times, December 17, 2010. Название статьи можно перевести как «Долой Бен-Ладанки». «Бен-Ладанками», по словам автора, стали называть крупные денежные купюры, в частности купюру в 500 евро.

³ «Как Джесси Джеймс, телеграф и законодательный акт от 1913 года могут помочь армии выиграть войну с терроризмом: нереализованный стратегический эффект «безналичного фронта». Peter E. Kunkel «How Jesse James, the Telegraf, and the Federal Reserve Act of 1913 Can Help the Army Win the War on Terrorism: The Unrealized Strategic Effects of a Cashless Battlefield» Military Review, November-December 2008.

http://usacac.army.mil/CAC2/MilitaryReview/Archives/English/MilitaryReview_20081231_art013.pdf

свободно распространяли наличность. С 2003 по 2008 годы около \$19 биллионов наличных денег было роздано в Ираке «снабженцам» и контрактникам. Но военные постепенно осознали, что анонимность «кэша» помогает террористам и «боевикам» нелегально провозить деньги и бесследно совершать покупки. Именно поэтому последние несколько лет военные прилагают усилия для замены своих операций с наличными деньгами на безналичные операции (мобильные электронные платежи, переводы с помощью дебетовых карт и т.д.) в надежде достичь того, что автор статьи называет «безналичный фронт» (Cashless Battlefield). Применяя комбинацию технологий: (а) EFT (Electronic Funds Transfer, на базе «проводных» коммуникаций) – для переводов крупных сумм и (б) Мобильного Банка (на базе беспроводных коммуникаций) – для нерегулярных и небольших платежей, американская армия должна «стерилизовать» (обезвредить) \$1,5 биллиона наличных денег, привезённых на фронт.

(II) Всё, что перечислено выше, – это далеко не все последствия перехода к «Cashless Society». Эта тема – вытеснения наличных (анонимных) денег и замены их на «счётные» именные деньги – на первый взгляд, кажется узкой, почти технической, и сегодня она как будто ни для кого не нова. Но это впечатление обманчиво. Фактически, эта тема оказалась одной из прорывных по масштабам практических последствий. В работах В. Юровицкого доказывается, что модель «Cashless Society», которая может возникнуть при полном вытеснении наличных денег, – это особая экономическая модель, которая обладает принципиально новыми позитивными свойствами и, тем самым, кардинально отличается от нынешней. Эта модель несёт в себе возможности для впечатляющих прорывов сразу по многим направлениям, перечисленным ниже (возможно, что этот список не полон, так как возникают всё новые неожиданные последствия этого перехода):

- борьба со всеми основными видами преступности (опирающимися на наличные деньги), включая коррупцию, теневую экономику, наркобизнес и т.д.;
- контроль нелегальной иммиграции;
- налогообложение; возможность кардинальной реформы: перенос центра тяжести налогообложения (фискальной его части) на конечные доходы, т.е. доходы физических лиц; сегодня это невозможно пока есть «наличка» и не исключается зарплата «в конверте»;
- социальное обеспечение;
- контроль над инфляцией; здесь впервые возникает возможность устойчивого развития экономики в условиях нулевой инфляции, что вступает в противоречие с Кейнсианской концепцией; доказывается, что

знаменитая доктрина Дж. Кейнса «О ловушке ликвидности» теряет силу в условиях модели «Cashless Society»;

- сфера кредита;
- эмиссия денег и т.д.

То есть это направление, по сути, похоже на *системный прорыв*, как это не покажется удивительным на первый взгляд.

Однако есть одно «но», которое необходимо оговорить. Если мы ограничимся только вытеснением наличных (бумажных) денег, то их место могут занять и ценные бумаги «на предъявителя» (т.е. та часть ценных бумаг, которая выпускается в анонимном виде) и, конечно, «псевдонимные» кошельки Web-money (Яндекс-деньги и т.д.) плюс «электронный кэш». То есть преступность (включая коррупцию и теневую экономику) всегда будет искать анонимные («псевдонимные») формы. И если мы перекроем одни каналы анонимности и оставим ей другие, то она просто переключится на них и освоит их. И с этой точки зрения будет совершенно не заметно, что мы отказались от криминогенных наличных (бумажных) денег. Другое дело, если мы решим преодолеть сам принцип анонимности («псевдонимности»), рассматривая это как часть современной концепции «информационного общества».

Таким образом, нужно ставить более общую задачу – двигаться одновременно по следующим семи направлениям, которые объединяет одно – *преодоление форм анонимности («псевдонимности»)*, переход к именованным формам.

(1) Деньги. От наличных (бумажных) – к безналичным («счетным»).

(2) Ценные бумаги. Переход от анонимных (на предъявителя) ценных бумаг к именованным формам, что соответствует их естественной объективной эволюции.

(3) Офшоры как форма организации «подставных» фирм, (т.е. форма «псевдонимности»), борьба за их запрещение.

(4) Номерные (на предъявителя) анонимные банковские счета. Эта проблема, на данный момент, уже фактически решена в международном масштабе.

(5) Системы интернет-денег (Web-money, Яндекс-деньги, Gold-money и т.д.). Здесь возникает два вида электронных «кошельков» и открыто используются «псевдонимные» кошельки (подробнее см. ниже)

(6) Попытки создания «электронного кэша», т.е. анонимных электронных денег. В настоящее время для этого существуют технические решения и имеются различные готовые проекты.

(7) Новые варианты форм анонимности («псевдонимности»), которые могут появиться благодаря техническому прогрессу.

Теперь уточним термин «псевдонимность», который используется выше. Бумажные купюры, а до них и металлические монеты были анонимными по своей природе. Современные Интернет-деньги (Web-money, Яндекс-деньги Gold-money и т.д.) по своей природе – именные, раз все электронные кошельки имеют владельца с именем, но в этой системе допускаются кошельки двух типов: проверенные администрацией системы (по документам, что они те, за кого себя выдают) и не проверенные (т.е. «псевдонимные»). Последних отделяет от настоящих именных кошельков только один шаг – административное требование (вмешательство) государства: проверяйте все кошельки, не допускайте непроверенных в вашей системе! С этой точки зрения офшоры также можно рассматривать как форму «псевдонимности», так как сознательно «упрощенная» процедура регистрации, не требующая проверки документов, нужна для создания «подставных» фирм.

Получается, что люди, организовавшие системы частных Интернет-денег (Web-money, Яндекс-деньги, Mail-money и т.д.), создали свой мир, который они изначально населили как честными людьми (с именными счетами), так и преступниками (с «псевдонимными» счетами). Причем сделали это сознательно. Отказываться от «псевдонимных» счетов они добровольно не будут, так как на эти счета существует спрос, и они приносят доход. Это об этих бизнесменах сказано в Библии: «они служат двум господам одновременно – и богу и мамоне (т.е. дьяволу)»! И взывать к морали таких бизнесменов, надеяться на развитие этики предпринимательства вряд ли поможет. Поэтому здесь необходимо только вмешательство государства и проявление общественной воли (которую должно выражать государство).

Особую опасность представляют проекты по созданию «электронного кэша» (анонимных электронных денег). Технический прогресс предоставляет сегодня такую возможность. Подобная система дала бы супервозможности (значительно превосходящие нынешние) для криминала, включая все виды коррупции и теневой экономики¹. Здесь уместно вспомнить, что технический прогресс «слеп» по отношению к добру и злу. И он, таким образом, ставит перед людьми проблему сознательного ответственного выбора. Отметим разницу: в прошлые века не могло быть

¹ По мнению Р. Миллера, В. Михальского и Б. Стивенса (авторов 1 главы монографии «Будущее денег») в некотором смысле «электронный кэш» можно считать даже более анонимной формой, чем наличные бумажные деньги, так как можно пытаться отслеживать наличные деньги по номерам купюр или по отпечаткам пальцев. См. Riel Miller, Wolfgang Michalski and Barrie Stevens. *The Future of Money* (chapter 1, p.30), by OECD (Organisation for economic co-operation and development), 2002 <http://www.oecd.org/dataoecd/40/31/35391062.pdf>

выбора между системами именных и анонимных денег (в массовом масштабе), техническое развитие предоставляло только один вариант. А сегодня такой выбор есть.

(III) Дж. Липау в своей статье¹ задаётся вопросом: почему нельзя ликвидировать использование наличных денег повсеместно во всем мире и создать не просто «безналичный фронт», но и «цифровую безналичную экономику»? С технической точки зрения, считает автор, такая инициатива вполне осуществима. Хитрость в том, чтобы снизить стоимость совершения транзакций до такого уровня, при котором можно было бы эффективно осуществлять даже самые малые платежи. Например, в Twitter есть приложение, известное как TwitPay, которое позволяет вам использовать ваш мобильный телефон и счет (аккаунт) в системе PayPal для перевода денег. В Кении действует система мобильного банка, известная как M-Pesa, которая позволяет шести миллионам людей осуществлять мелкие платежи с помощью SMS-команд.

Далее автор отмечает, что на сегодняшний день с помощью одних систем, базирующихся на радиотелефонной связи, невозможно осуществить полную замену наличных денег. Диапазон сотовых сетей пока не охватывает многие сельские районы и малые городки. Кроме того, такие системы остаются слишком уязвимыми в отношении кибер-преступности и сбоев в сетях электропитания и эфирных (радио) сетях.

В таких условиях более надежным (и универсальным), по мнению Дж. Липау, представляется вариант использования смарт-карт с биометрическими кодами. Такой вариант предлагает, в частности, корпорация Net1 Technology Inc. – разработанная ею система называется «Универсальная система электронных платежей» (U.E.P.S. – The Universal Electronic Payment System)². С помощью U.E.P.S. эта компания участвует в государственных программах распределения социальных пособий для малообеспеченных граждан в ряде стран мира. Так, в настоящее время в Южной Африке эта деятельность уже охватывает 4 миллиона человек.

В отличие от платёжных систем, базирующихся на радио или «проводных» коммуникационных сетях, система U.E.P.S. имеет более широкий (универсальный) диапазон применения. Её можно также успешно применять для работы с населением в удалённых (сельских) территориях – везде, куда не добирается современная банковская инфраструктура, и где нет надёжных «проводных» и беспроводных коммуникационных сетей.

Одно из важных преимуществ U.E.P.S. – это возможность работы в режиме оффлайн и без использования сетей электропитания. Для этого

¹ См. Дж. Липау (Jonathan Lipow), ранее цит.

² Подробности см. на сайте корпорации <http://www.net1.com/main.aspx?ID=117>

применяется небольшой прибор POS (Point-Of-Sale), работающий на батарейках и по виду напоминающий платежный терминал для считывания пластиковых карт (который используется в кассах магазинов). В этот прибор POS вставляются одновременно две карты (покупателя и продавца) и происходит перечисление денег с одной карты (покупателя) на другую (карту продавца). При этом возможен вариант, когда обе карты не только регистрируют текущий платёж, но происходит считывание всей хранимой информации об истории платежей с одной карты на другую, либо взаимный обмен такой информацией между двумя картами.

Каждые несколько дней сотрудники корпорации Net1 Technology (платёжной системы U.E.P.S.) посещают свои территориальные участки (деревни) и совершают сбор информации о платежах жителей данной территории. С помощью своего прибора POS они загружают историю платежей тех карт жителей, с которыми имеется прямой контакт. Здесь также применяется вариант «рекурсивного» сбора информации, когда не обязательно иметь прямой контакт со всеми персональными картами жителей данной территории. Поскольку, как отмечалось выше, возможен взаимный полный обмен информацией об историях платежей между двумя картами клиентов (жителей данной территории), то это означает, что одна карта клиента может хранить полную историю платежей со многих других карт клиентов («рекурсивным» образом, т.е. это означает, что все карты жителей данной территории образуют единую информационную систему, и каждая карта выполняет роль информационного узла этой системы; обмен информацией между двумя узлами (картами) происходит только в случае их непосредственного контакта). После сбора всей доступной информации данные с прибора POS переносятся на центральный компьютер (сервер) корпорации Net1 Technology, который регистрирует все финансовые потоки.

В целом, опираясь на технологии смарт-карт с биометрическими кодами, система U.E.P.S. способна обеспечить наиболее защищённое средство платежей, также она не имеет географических ограничений, может работать в условиях нестабильности «проводных» и беспроводных сетей связи и внешнего электропитания, и даже без них. То есть, эта система, по сути, приобретает универсальный характер. При этом дополнительные издержки организации платежей в режиме оффлайн, по существу, близки к нулю. Таким образом, эта система представляет многообещающую модель для глобальной экономики.

(IV) Сейчас у нас в России процесс вытеснения «налички» (внедрения карточек) продвигается черепашьим шагом, по сути, пущен «на самоотёк». *Но государство сегодня может стимулировать его резкое ускорение.* Для этого есть целый ряд интересных предложений, как сделать этот

процесс *самоускоряющимся*, причём некоторые из них фактически даже *не требуют никаких затрат бюджетных денег*. Однако государство в России не спешит с этим, пускает «на самотёк». Очевидно, потому, что у него по-другому расставлены приоритеты! Мы никогда не слышали, чтобы наше государство (на высшем уровне) формулировало такие желаемые цели или хотя бы даже просто желательность постепенного продвижения в этом направлении!

Отметим, что в ряде индустриально развитых стран несколько лет назад без особого шума внедрили «скромную» финансовую инновацию – *чистый* процент за обналичивание. Это означает, что при обналичивании денег с банковского счёта (или с карт-счёта через банкомат и т.д.) будет взиматься *чистый* процент. Эта мера имеет ясный смысл – стимулировать граждан поменьше пользоваться наличными деньгами. С идейной точки зрения эту инновацию можно считать настоящей «тихой революцией» (ведь настоящие революции не обязательно происходят с большой помпой, они могут быть даже внешне не заметны). С формальной точки зрения этот процент является нарушением законных прав граждан. Однако, его внедрение не вызвало бурю протестов, так как это происходило в наиболее развитых странах мира, которые достигли уже такого этапа, когда все кроме криминала и так пользуются наличностью в минимальной степени. А криминал, очевидно, не стал протестовать, чтобы не раскрывать себя.

Можно утверждать, что в наиболее развитых странах мира в последние годы неожиданно сформировался особый *новый менталитет*, который чётко ставит *знак тождества между «наличкой» и криминалом*, чего прежде никогда не было. Приведём примеры для иллюстрации.

Пример 1. Рассмотрим самую законную финансовую операцию на территории США. Допустим, у Вас есть законный банковский счёт, на который поступает самая законная «белая» (с уплатой всех налогов) зарплата. Вы приходите в банк и просите снять с этого счёта некоторую сумму наличных долларов. А наличные доллары – это до сих пор самое законное платёжное средство на территории США (согласно действующему законодательству). Если эта сумма превышает 10 тысяч долларов, то банк обязан сообщить в соответствующие органы (ФБР), которые установят за вами негласный надзор. По последним данным планка в 10 тыс. долларов ещё снижается. Причём такую практику граждане воспринимают как должное. Здесь мы видим, как изменения в менталитете опережают изменения в правовой системе (законодательстве).

Пример 2. Несколько лет назад, когда в США отмечали годовщину событий 11 сентября 2001 г., в конгрессе провели слушания на тему: могли ли спецслужбы (ЦРУ и ФБР) предотвратить эти события или их можно

обвинить в халатности. Запомнилось очень эмоциональное выступление конгрессмена (женщины), которая с трибуны конгресса перечисляла «грехи» ЦРУ, среди которых было и такое, цитируем: «Мы выяснили, что все террористы приобретали авиабилеты за наличные... и это должно было насторожить!...» В России эта логика может показаться странной, так как у нас почти все приобретают авиабилеты за наличные.

Пример 3. Из статьи Дж. Липау «Долой Бен-Ладанки» (цитируемой выше) мы узнаём, что в последнее время в Европе крупные денежные купюры, в частности купюры в 500 евро, стали называть «Бен-Ладанками». Но размер купюр здесь имеет относительное значение. По логике этой статьи и купюры в 100 евро тоже можно именовать «Бен-Ладанками»¹. Вот самое красноречивое свидетельство возникновения этого нового менталитета.

Конечно, в России сегодня ещё далеко до формирования такого менталитета. Поэтому у нас введение чистого процента за обналичивание было бы совершенно противоестественно².

Предложение 1. Допустим, есть магазин, который принимает к оплате как наличные деньги, так и пластиковые карты (например, в Москве магазины сети «Перекрёсток», книжные магазины сети «Библио-Глобус», аптеки «36-6» и т.д.). Сегодня мы видим, что цены в обоих случаях одинаковы. Это значит, что обществу (и властям города) совершенно безразлично стимулирование предпочтения одного способа платежа над другим, оба способа совершенно равноправны. Если же (по предложению властей города) магазины введут некоторый стимулирующий процент (5% или 7%) превышения цены при наличном способе оплаты, тогда начнётся настоящая цепная реакция: покупатели (у кого ещё нет пластиковых карт) срочно обратятся в банки за их получением (сейчас это делает-

¹ Выше мы ссылались на публикацию в Los Angeles Times, March 17, 2007, в которой описывалась крупная находка одного из рейдов на наркодельцов – свыше 200 млн наличных долларов, среди которых основную массу составляли именно 100-долларовые купюры.

² Всё же в России сегодня уже существует чистый процент за обналичивание для кредитных карт (в Москве он составляет 3%). Это не вызывает массовых протестов, так как кредитные карты воспринимаются нами сейчас как роскошь. Также существует чистый процент за обналичивание средств в иностранной валюте (этот процент не будет сниматься в одном случае: если эти средства на счёте первоначально возникли путём внесения наличной иностранной валюты). Во всех других случаях проценты, взимаемые при снятии наличных денег в банкоматах, – это не чистые проценты за обналичивание: либо эти проценты возникают при снятии денег с банкомата, принадлежащего другому банку – тогда это проценты за транзакции между двумя банками; либо эти проценты возникают при снятии денег в другой территориальной зоне (регионе), тогда эти проценты имеют смысл комиссионных за пересылку (трафик) денег между регионами.

ся уже гораздо быстрее и почти ничего не стоит, например, пластиковая карта Сбербанка Циррус-Моментум), начнёт расти доля безналичных покупок в этих магазинах, что потребует усиления взаимодействия (на основе технологии безналичных расчётов) с трёх сторон: (а) банков-эмитентов пластиковых карт, (б) торговых сетей и (в) компаний-платёжных систем (типа Visa, MasterCard и т.д.)

Предложение 2. Рассмотрим ту же торговую сеть, которая может принимать как наличные деньги, так и пластиковые карты. Если при сдаче наличной выручки магазина в банк, у магазина будет взиматься определённый процент (а с безналичной выручки – нет), то этот магазин сам, естественным образом, установит соответствующий процент превышения цены при наличной форме оплаты.

Основная концепция В. Юровицкого заключается в том, чтобы понизить статус наличных денег до уровня «неденежных платёжных средств», а «главными» полноценными деньгами объявить именно «счётные» деньги (на банковских счетах). Эту концепцию автор очень подробно и скрупулёзно обосновывает¹. Из этого следует, что при любом обмене наличных на безналичные (снятия наличных со счёта или внесения на счёт) может взиматься комиссия в виде определённого процента, поскольку мы меняем «настоящие» деньги на «неденежные платёжные средства». Это непосредственно приводит и к предложению № 2. Эта концепция представлена здесь в самом общем виде. В ней имеется множество важных деталей. На первом этапе реформы автор предлагает взимать такую комиссию только с тех предприятий розничной торговли, которые могут принимать безналичную оплату (технически оснащены), а все остальные (т.е. мелкие предприятия розничной торговли) от неё освобождаются, кроме того, здесь возникают и другие нюансы, требующие проработки.

Предложение 3. Во всех дискуссиях вокруг концепции «Cashless Society» и перспектив её продвижения в России оппоненты всегда приводят аргумент, что «глубинки» и малые города страны не готовы к этой реформе, так как у них нет технических возможностей. Ответом на это может послужить приведённый выше материал о технологиях и практической деятельности корпорации Net1 Technology Inc.

Однако наш анализ этой проблемы приводит к следующему неожиданному решению. Оказывается, возможно рассматривать реализацию концепции «Cashless Society» не по всей территории страны (как её обыч-

¹ См. В. Юровицкий. Денежное обращение в эпоху перемен, ранее цит. с.157–167; см. также В. Юровицкий. Пути построения в России "безналичного общества", ранее цит., с. 83–88

но понимают), а локально, т.е. в отдельных наиболее крупных городах (включая Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск и др.). При этом, с одной стороны, в наиболее крупных городах есть необходимая техническая инфраструктура, а, с другой стороны, именно крупные города больше всего и страдают от коррупции, проявлений теневой экономики, нелегальной иммиграции... и, вообще, аккумулируют в себе все виды преступлений, опирающихся на наличные деньги. Представьте, если появится лозунг: «Превратим Москву в образцовый безналичный город!» Ведь это даст людям чувство перспективы и объединит их, чего нам так сейчас не хватает. Конечно, надо тщательно продумать различные детали такой реформы, чтобы это никому (кроме криминала) не повредило.

(V) Как отмечалось выше, в России, кроме наличной рублевой массы необходимо учитывать массу наличной иностранной валюты (долларов и евро). По мнению Д. Лебедева: «Россия характеризуется гипертрофированным развитием рынка наличной иностранной валюты. Объемы наличной иностранной валюты, находящейся в собственности российских физических и юридических лиц, сопоставимы с наличной рублевой массой.»¹ В его статье отмечается, что рынок наличной иностранной валюты является наиболее ранней формой валютного рынка. В последние десятилетия его значимость в мировой экономике уменьшается даже в сегменте операций частных лиц, поскольку широкое распространение международных платежных систем привело к резкому снижению объемов наличных валютных операций при туристических или деловых международных поездках. Автор подчёркивает, что гипертрофированное развитие российского рынка наличной валюты приводит к непродуктивному использованию значительной части экспортной выручки. Реальные товарные ценности, экспортируемые Россией, обмениваются на наличную иностранную валюту, себестоимость которой многократно ниже номинальной стоимости. Это создает устойчивый механизм финансирования экономик стран – эмитентов валюты за счет российской экономики.

Кроме того, отмечается широкое использование наличной иностранной валюты в операциях на российском рынке недвижимости, которое носит теневой характер. Так как действующее налоговое законодательство по сделкам с недвижимостью оставляет ряд лазеек, позволяющих избежать налоговых выплат при перепродаже недвижимости путем осуществления части оплаты в нерегистрируемой наличной форме². Рынок недви-

¹ Лебедев Д.А. Основные направления развития рынка наличной иностранной валюты в России. //Финансовый менеджмент," №6, 2005

² Кроме того, продолжают действовать т.н. «серые маклеры» – физические и юридические лица, занимающиеся риэлтерской деятельностью без соответствующей лицензии и не заинтересованные в легализации операций своих клиентов.

жимости — не единственный сегмент российской экономики, характеризующийся высокой долей операций теневой экономики. По различным оценкам, от 20 до 50% российского ВВП приходится на те или иные формы теневой экономики. Это служит дополнительным фактором гипертрофированного развития наличного сегмента российского рынка иностранной валюты, так как в теневой сфере наличная иностранная валюта предпочтительнее рублей в силу свободной конвертируемости, а также большей компактности. Таким образом, мы видим, что связь между «разгулом наличной долларизации» и криминализацией российской экономики носит двусторонний характер¹. По оценкам экспертов FATF (межправительственной организации по борьбе с отмыванием денег), одним из важнейших каналов нелегального движения средств является обращение крупных наличных сумм. Отсутствие ограничений на обращение наличных средств создает благоприятные условия для отмывания капиталов и осуществления незаконной предпринимательской деятельности.

В целом Д. Лебедев делает следующий вывод: «В течение длительного периода времени рынок наличной иностранной валюты в России оказывал преимущественно негативное воздействие на все сектора российской экономики, создавал благоприятные условия для функционирования теневой экономики и являлся механизмом непродуктивной иммобилизации сбережений населения. Однако в последние годы наметилась тенденция к умеренному снижению роли наличного инвалютного рынка»².

Предложение 4. Есть два вопроса: (1) вытеснение наличных рублей и (2) вытеснение наличной иностранной валюты (т.е., наличных долларов, евро, и т.д., находящихся в России). Очевидно, эти два вопроса будут решаться по-разному. Если наличный рубль будет вытесняться постепенно (с определенными темпами), то иначе надо ставить вопрос о наличной иностранной валюте, которая является *не менее, а более криминогенной*, чем наличный рубль (это отмечается также в статье Д. Лебедева, цитируемой выше). Выше было отмечено, что первым в российскую экономику (в 90-х годах прошлого века) пришел именно наличный доллар, а затем, на втором этапе — безналичный доллар. Сегодня, когда в стране уже создана развитая система безналичной иностранной валюты (в виде банковских счетов, доступных физическим и юридическим лицам), возникает вопрос о судьбе наличной инвалюты. Нужно ли сохранять дальше институт наличной иностранной валюты? Зачем теперь нужны наличные

¹ Там же.

² Там же.

доллары и евро, кроме обслуживания криминала и теневой экономики? Можно ли от них освободиться целиком и сразу? В. Юровицкий отвечает: можно и нужно! И даёт подробные развёрнутые предложения на этот счёт, которые укладываются в общую концепцию¹.

* * *

«Деньгам суждено стать цифровыми» – таков лейтмотив научного труда «Будущее денег»², выпущенного под эгидой международной организации OECD в 2002 году. Дж. Липау завершает свою статью следующими словами: «С точки зрения общественной безопасности, национальной защиты и нашей уверенности в будущем, чем скорее мир перейдёт к “цифровой безналичной экономике”, тем лучше!»³.

¹ См. В. Юровицкий. Денежное обращение в эпоху перемен, ранее цит. с.308–340.

² The Future of Money (OECD), 2002, ранее цит., введение, с. 6

³ См. Дж. Липау, ранее цит.